

ДИСКУССИЯ

Л.Д. ГУДКОВ

ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ У ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ?

По мнению автора, сохраняющаяся государственно-ведомственная организация российской науки, принципы формирования ее кадров, систем признания и вознаграждения фактически лишают социальные и гуманитарные науки в России теоретического потенциала, интереса к общим вопросам, их теоретической проработке, которая невозможна вне междисциплинарного — исторического, гуманитарного — контекста. Нередкое в последние годы обращение более молодых российских ученых к идеям и модным фигурам европейского постмодернизма оставляет в стороне проблемы, стоящие перед российским обществом. В этой ситуации автор скептически оценивает призывы к занятиям «чистой наукой», с которыми выступают представители молодого поколения российских социологов, не принимающие ни номенклатурный характер наук, обслуживающих государственные интересы, ни стерильную по отношению к любым теориям «эмпирическую социологию».

Ключевые слова: теоретическая социология, ведомственно-номенклатурная организация науки, познавательные интересы.

1

В последние годы среди российских социологов можно услышать странные жалобы на отсутствие у нас теоретической науки. Время от времени кто-то задается не менее удивительными вопросами о том, каковы «условия ее возможности»¹, и что следовало бы понимать под общей теорией, связующей все уровни социального знания. На двусмысленность подобных lamentаций или риторических вопрошаний мало кто обращает внимание, еще реже на них следует какая-либо

Гудков Лев Дмитриевич — доктор философских наук, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), главный редактор журнала «Вестник общественного мнения». Адрес: 125319, Москва, улица Черняховского, д. 16. Телефон: (495) 229-38-10.

Электронная почта: gudkov@levada.ru

¹ См., например, программу XVI международного симпозиума «Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения» Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва, 23–24 января 2009 г.)

публичная реакция со стороны научного сообщества. Как и отчетные доклады об успехах отечественной науки, они постепенно становятся частью публичных ритуалов. Но я бы советовал отнестись к ним с большей серьезностью, поскольку, при всей своей сомнительности, они могут быть прочитаны как симптоматика скрытого хронического неблагополучия в социальных науках.

Совершенно очевидно, что вплоть до конца 1990-х годов такие мысли не приходили кому-либо в голову. Сегодня исследовательская деятельность в социологии по большей части приобрела отчетливый характер рутин, общая социология теряет интерес общества, а заодно и свой авторитет. Неясны или неопределенны не только общественные ожидания в отношении социальных наук, но и профессиональное самопонимание ученых и преподавателей, поскольку они ориентируются на разные референтные группы, разных социальных партнеров, ожидая от них признания своей деятельности и соответствующей материальной и организационной поддержки. Правильнее было бы сказать, что сегодня в России мы имеем дело с несколькими принципиально отличающимися друг от друга типами организации социальной науки или даже разными типами самого института науки, что отражает одновременное существование социальных структур, нуждающихся в социальном знании разного типа. Это означает, что трансформационные процессы в российском обществе (или точнее — медленно идущее разложение институциональной системы советского общества) вызывают синхронное функционирование научных коллективов, имеющих разную социальную природу и происхождение, принципиально разные источники и механизмы обеспечения и вознаграждения своей деятельности. Поэтому вопрос о судьбе «теории» раз за разом повисает в воздухе, не получая ответа.

Подобные проблемы рождаются из двух источников. Во-первых, это видимая популярность массовых опросов в России, идентифицируемых общественностью и властями с «социологией» (ставшей, за редким исключением, к тому же частью политтехнологической работы или пропаганды действующего режима). Она не может не вызывать раздражения и сопротивления у многих представителей академической или университетской фракции этой дисциплины, особенно у тех, кто как-то прикоснулся к миру сложных идей. Уровень интерпретаций, обычный для массовых социологических исследований, мало кого может удовлетворить, кроме самих социологов — их авторов. Российская социология едва-едва поднимается над общим уровнем массовых предрассудков и коллективных банальностей. И нет ничего удивительного в том, что те, кто-то хотел бы заслужить авторитет, стремятся предложить публике свое более глубокое и тонкое понимание реальности, свои определения (конструкции) происходящего. Дело за малым — за самими интерпретациями.

Во-вторых, многие из тех, кто говорят об отсутствии теории, хотели бы заниматься чистой «деидеологизированной» наукой, высокой теорией, свободной от любой политической или социальной предвзятости — как от советского прошлого, так и от условного общественно-политического «либерализма». Их отталкивает не столько характер общего потока исследований, сколько специфическая ценностная нагрузка, ангажированность исследований, которые велись как в старых, еще советских академических институтах или университетах, так и в некоторых новых, постсоветских научных организациях, например в старом ВЦИОМе, сегодня это Левада-Центр. К такой ангажированности социологической деятельности эти представители академического сообщества относятся явно негативно. Причем раздражение вызывает именно определенность ценностной позиции, за которой усматривается моральная определенность, принимающая форму интереса к большим социальным проблемам, включая и прошлое нашего отечества, а значит, и чувство личной ответственности за свою работу как профессионала². Отношение к задачам обслуживания «лиц, принимающих решения», другое, более спокойное, поскольку дело это привычное, и здесь нужно все лишь «не суетиться под клиентом». Но все равно многим хотелось бы быть «теоретически чистыми» и от того, и от этого.

² Принцип «свободы от ценностей» обычно понимают самым плоским образом: как позицию «ценностной нейтральности» ученого, то есть как воздержание от оценок, что якобы гарантирует объективность познания. Это заблуждение, распространенное благодаря американским учебникам, радикально расходится с пониманием самого М. Вебера. Вебер проводил различие между «оценками» или практическими оценочными суждениями (*Werturteilen, praktischen Bewertungen*) и теоретической процедурой «отнесения к ценности» (*Wertbeziehung*), значение которой он осознал благодаря работам Г. Риккерта. Теоретический интерес является важнейшей составной частью образования рабочих понятий исследователя, поскольку задает основания для отбора материала, различения значимого и незначимого. Ценностные идеи указывают не только выделяемые содержательные обстоятельства, подлежащие описанию и анализу, но и направление поиска каузального или иного объяснения. «Трансцендентальной предпосылкой всякой науки о культуре является не то, что мы определенную, или вообще какую-либо «культуру» находим ценной, а то, что мы — культурные люди, одарены способностью и волей сознательно занимать позицию по отношению к миру и наделять его смыслом» [10, S. 180]. «Отсутствие убеждения» и научная «объективность» не имеют между собой ничего общего» [10, S. 157]. К занятиям чистой теорией (или в его языке — «методологией») Вебер относился резко отрицательно, называя их «методологической чумой». Подробнее о принципах веберовской методологии см.: [1, с. 69–135; 7; 9].

Формально неприятие ценностных оснований такой научной деятельности принимает вид критической оценки устаревшего концептуального аппарата или методологических подходов. Отвергая их, нынешние отечественные «постмодернисты», выступающие за пересмотр теоретических, методологических и эпистемологических оснований отечественных (вряд ли — мировых) социальных наук претендуют на смену образцов исследовательской работы. Поскольку те, кто выдвигает обозначенные претензии, уже не очень молодые преподаватели, понятна их озабоченность своим статусом в академической и университетской среде.

Таким образом, ответы на вопрос, почему в России нет теоретической социологии, следует искать и в особенностях институциональной организации науки в стране (в нашем случае: организации исследований и характера преподавания в социальных науках), и в ценностных основаниях знания, и в этике профессионального сообщества, разные части которого по-разному представляют себе культурные вызовы времени и национальные интересы. Главная трудность развития социальных наук в России состоит даже не в существовании внутренних барьеров, препятствующих освоению потенциала современной социологии или политологии, закрытости российских ученых от того, что делалось на Западе в 1930–1970-е годы, а в неразвитости или слабости самого российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании или интерпретациях происходящего. Скептик сказал бы: таковы характер и качество этого знания, что им мало интересуются. Такое суждение было бы справедливым, но лишь отчасти, потому что какой-то спрос на интеллектуальную продукцию социальных наук в России все же существует. Весь вопрос: какой и у кого? Ценностная значимость любого смыслового производства определяется в горизонте соответствующих идеальных ожиданий других людей, на которые явно или неявно отвечает ученый или поэт (что и составляет пространство его внутренней свободы). Поэтому я подчеркиваю: речь идет не о равнодушии, а о *дегенерации* сферы публичности, то есть об отсутствии институтов для публичных дискуссий или участия граждан в политической и общественной жизни, и соответственно — о предъявлении спроса на знание или интерпретации другого качества. Слабость рефлексии отечественных аналитиков по поводу происходящего в стране, в науке, в мире неслучайна. Социология, как известно, рождается из «духа общества», а «общество» (*Gesellschaft, society*) — это не масса населения, как у нас часто полагают, а особый тип социального образования — ассоциации, основанной на отношениях взаимной солидарности или совместных интересах ее членов, а значит — лишенной властного измерения, принудительной интеграции³.

³ См., например, значение идеи «общества» для социологии Г. Зиммеля: [8, S. 97–118].

«Большие проблемы» предполагают специфический аппарат интерпретации — язык институциональных систем, длительных массовых процессов, социетальный уровень рассмотрения проблематики изменения и проч. Напротив, сторонники постмодернистской ревизии социологии предпочитают (точнее — декларируют) методические подходы микросоциологии — анализ практик, фреймов, этнометодологические приемы, «качественные методы», позволяющие избегать больших обобщений и теоретических абстракций, тем более, как им кажется, оценок или ценностных суждений (которые иногда, и не без оснований, отождествляются с публицистикой).

Сказать, что в российских социальных науках были заметны хоть какие-то признаки интереса к теоретико-методологической проблематике социального познания, нельзя хотя бы уже потому, что до сих пор не было ни сколько-нибудь значительных обзорных работ, ни серьезных дискуссий, в которых бы анализировались *парадигмальные противоречия* интерпретации получаемых данных. Есть заметные расхождения в политико-идеологических установках социологов, но не в технике или характере предметных объяснений, поскольку никаких собственных теоретических или методологических идей у сторонников государственнической науки не возникает, и возникать не может. Для дискуссии о дифференциации теоретических школ и методологических подходов нужны в первую очередь сами эти школы и подходы, производящие оригинальные предметные и эмпирические знания, признаков которых пока не видно⁴.

Никаких принципиальных открытий не видно как со стороны, условно говоря, «СОЦИСа», так и со стороны тех, кто давно выступает с постмодернистскими манифестациями, хотя запоминающиеся работы, безусловно, есть.

Новые методы появляются, как известно, в форме «открытий», то есть описаний ранее неизвестного материала или нового описания известного материала, рассмотренного с «неожиданной» стороны. Открытия предполагают смену ценностной перспективы рассмотрения материала, «новую» конституцию «предмета». Но для этого нужны «убеждения», «образ мыслей» (по-веберовски: *Gesinnung*), кристаллизацией которых и являются «ценности», а стало быть, и особая заинтересованность в реальности, что не может быть предметом обучения

⁴ Первым проявлением потребности в прояснении парадигмальных коллизий был бы рост интереса к философии науки, важность которой для теоретической работы в социологии невозможно переоценить, поскольку философия в состоянии поставить вопросы смысла и границ познания. Но в России по многим причинам не может быть оригинальной философии, связанной с теорией социального знания.

или институциональных конвенций. Сложность заключается в том, что *сами теории не являются нейтральными словарями и парадигмами*, их использование подчинено логике институционального поведения в науке, с одной стороны, и познавательного (ценностного) интереса — с другой. Соответственно, анализ теоретических средств вынужден принимать во внимание не только то, как согласуются в процессе исследования языки разных научных сфер, предметных регионов («практик»), но и ряд других факторов: как при этом применяются специфические языки описания, чем они отличаются от языков объяснения (генерализованных концептуальных препаратов, чистых конструкций); как последние используются применительно к эмпирическому материалу, то есть специально уже препарированному, описанному в выделенной перспективе фактическому массиву данных социальных взаимодействий или социального поведения; а также — каковы сами правила отбора различных языков — теорий, концепций и т. п.

Теоретических дискуссий в российской социологии нет, потому что нет теоретической работы в отечественной социологии (равно как и в других гуманитарных дисциплинах)⁵. Более того, следует сказать, что такая работа *скорее нежелательна* для большинства занятых в этих сферах⁶. То, что сегодня у нас идет под рубрикой «теоретическая социология», является довольно произвольным по отбору материала пересказом чужих слов и идей, в адекватности которого часто стоит

⁵ Редкие исключения лишь подтверждают общие заключения.

⁶ Я не собираюсь давать обзор различных «направлений и школ» в отечественной социологии, и не столько потому, что это дело самостоятельной работы, сколько потому, что их реально нет. Есть по-разному работающие исследователи или даже отдельные группы ученых, есть центры, практикующие какой-то один набор методических приемов в описании ограниченного круга предметных тем. Но они не образуют воспроизводящихся направлений в науке и тем более — не тянут на статус оригинальной школы или хотя бы заимствованной парадигмы в науке. В практике исследований, как и в целом в российской социологии, господствует безнадежная эклектика и приземленность в понимании собранного или анализируемого материала. Недавний III ВСК лишь подтвердил подобное умозаключение. Если посмотреть на то, что подается под названием «теоретической социологии», то мы увидим, что на 9/10 эти пухлые сборники представляют собой ридерз дайжесты, содержащие, без какой-либо аналитической интерпретации или разбора, фрагменты переводов работ западных авторов, никак не связанных с проблематикой актуальных исследований российского социума. Предназначены они для студентов или молодых преподавателей в качестве иллюстративного материала или цитатников в рамках соответствующих университетских курсов.

сомневаться. Разумеется, среди многих статей на эти темы почти всегда можно найти работы серьезных авторов, как правило, давно занимающихся историей социологии или преподаванием иной гуманитарной дисциплины. Достигнутое наиболее удачно работающими авторами не воспроизводится, не аккумулируется в общих приемах исследовательской работы (будь то эмпирические разработки или история социальной мысли). Они остаются частными достижениями отдельных ученых или авторов. Это указывает на то, что в наших науках отсутствуют или же слабы механизмы селекции достижений в практике конкретных разработок, на неэффективность системы отбора и признания подобных достижений, а стало быть — на незначимость внутриинституциональных принципов гратификации и оценки продуктивной работы, имманентных для самого института, его внутренней конституции.

А пока что нет никаких признаков учета этого движения к реальности, к пониманию сложности и гетерогенности социокультурной материи социологией (это был бы первый признак собственно теоретической работы), нет самого интереса к реальности. Рассуждения о «необходимости теории» в социологии, или шире — в социальных науках, оказываются суррогатами моральных и ценностных самоопределений, попытками привстать на цыпочки, показывая, что мы уже большие, и разыграть спектакль «сцены настоящей науки». Не только нет интереса к собственно теоретической работе или соответствующей квалификации у тех, кто претендует на занятия теорией, но нет (и это, пожалуй, самое главное) интеллектуальной среды, которая могла бы воспринимать новые идеи, не говоря уже о том, чтобы их систематически вырабатывать. Такое положение в отечественной науке не просто неслучайно, оно представляет собой особенность ее внутренней организации.

Признаками того, что у нас нет потребности в теории, я считаю отсутствие дискуссий, прежде всего, по расходящимся интерпретациям одних и тех же данных, одних и тех же подходов, описаний, обсуждений корректности использования тех или иных предметов описания и прочее⁷.

Можно спорить о том, стала ли за последние 15–20 лет ситуация в этом плане хуже или лучше, или она вообще не изменилась. Первый вопрос здесь: с чем сравнивать и как оценивать. Если сравнивать ситуацию в социальных науках с советскими временами, то, несомненно,

⁷ Единственным исключением можно считать исследования общественного мнения, в частности, проблемы изучения электорального поведения, где ангажированность участников весьма высока, и поле расхождений в интерпретациях велико (несмотря на значительное сходство данных, получаемых разными центрами, или, напротив, как раз именно поэтому).

мы должны отмечать явное расширение масштабов исследовательской работы, разнообразие ее тематики, появление новой литературы, повышение методического и технического уровня эмпирических исследований и т. п. Однако я бы отметил и очевидные проявления внутренней деградации дисциплины в последние годы, связанные, на мой взгляд, с утратой чрезвычайно важных ценностных моментов исследовательской работы, с изменениями мотивации познавательной деятельности. Поэтому сравнивать нынешнее положение нужно не только с предшествующей фазой, а с уровнем «должного», с тем пониманием теоретической работы, которое присутствовало у отцов-основателей отечественной социологии (И.С. Кона⁸, Б.А. Грушина, Ю.А. Левады, В.А. Ядова, то есть людей, реально погруженных в практику исследований), с «идеальным» представлением о теории, осознанием, для чего она нужна, как связана с корректной, серьезной исследовательской работой⁹.

Мне уже приходилось отмечать порочность распространенной практики прямого заимствования понятий или концепций западных социальных наук и их механического приложения к российской реальности [см. 2–4]. Надо менять характер освоения этого ресурса. Сегодня чаще используются «слова», оказывающиеся всего лишь ярлычками приобщенности к тому, что сегодня «носят» в Европе или Америке, знаками интеллектуальной моды. При этом за рамками понимания остаются сам генезис этих понятий или их функциональный смысл, драматический характер процедур образования новых теоретических понятий, то, как появляется на свет научная «проблема», какими средствами она фиксируется, в какой концептуальной перспективе разрабатывается, какие возможности открываются с выбором именно такого-то аппарата, а что при этом неизбежно теряется,

⁸ Это тема прозвучала в недавнем очень интересном интервью И.С. Кона с Л. Борусяк [см. 5].

⁹ При всей ограниченности условий и возможностей для социологической работы в советское время, ее внутренний смысл для некоторых из тех, кого мы сегодня относим к поколению отцов-основателей, был в полной мере определен стремлением к личностной эмансипации, к утверждению собственной свободы, личностного достоинства, которое непосредственно связано с качеством и широтой познавательной деятельности. Соответственно, сама социологическая работа (при условии интеллектуальной порядочности) неизбежно окрашивалась в тона сопротивления тупому и репрессивному окружению. Понять тоталитарный социум означало (хотя бы в перспективе, в модусе отдаленной возможности) изменить существующее общество. Это та ценностная или этическая составляющая, которой начисто лишены молодые эпигоны постмодернизма и присутствие которой у людей старшего поколения так раздражает их.

что может быть компенсировано или дополнено посредством обращения к альтернативному подходу и т. п.

Обсуждение или анализ эффективности понятий или терминов можно вести только при условии ясного понимания, в ответ на какую социальную или культурную, интеллектуальную коллизию, исследовательскую задачу они выработаны, какой у них ценностный или идеологический «бэкграунд», как они связаны с историческими, культурными, групповыми или политическими интересами, каковы их функциональные возможности (генерализационные, модальные, идеографические), их смысловые ресурсы (ассоциативный ряд) и проч. Если бы у нас это имело место, если началась бы серьезная теоретико-методологическая дискуссия по каким-то содержательным проблемам социального знания, то, я уверен, были бы задействованы не последние по времени публикации, из которых те, кто учился или стажировался в зарубежных университетах, вынесли то, что на тот момент было актуальным, а гораздо более ранние пласты социологической работы. Это ресурсы основного корпуса позитивного социологического знания, сложившегося в 1930–1960-х годах, которые сегодня остаются у нас по большей части малоизвестными. Чтобы обсуждать продуктивность научных понятий, необходима их история, история соответствующих концептуальных разработок, то есть динамика смысловых трансформаций научных понятий на разных фазах работы. Ничего экзотического в таком подходе нет. Сошлюсь в качестве примера на соответствующий анализ такого ключевого понятия, как «тоталитаризм», потребовавший длительных дискуссий в среде историков, социологов и политологов.

Подобных разработок в российской социологии нет. В результате мы в нашей литературе сталкиваемся с массой по существу, то есть по функции, оценочных понятий, остающихся в предметном смысле фантомами, понятиями с неясным эмпирическим референтом («средний класс», «гражданское» или «сетевое» общество и прочее). Попытки начать «дискуссию о методах» (например: что лучше — «фреймы» или «практики», качественные или количественные методы, структурный функционализм или постмодернизм) вне контекста отечественных разработок могут быть лишь имитацией профессиональной деятельности.

Апелляция к тому, что сегодня в России называется «теоретическими проблемами социологии», имеет совершенно другой смысл и функциональное назначение, нежели в западной социологии. Там речь идет о рационализации средств и оснований познавательной деятельности. Здесь призывы такого рода связаны с дефицитом средств и оснований профессиональной идентификации (отчасти — дефицитом специфически академической гратификации), в основе которого также неявно лежат проблемы ценностного самоопределения и мотивации научной работы, выбора объекта исследования и

соответствующих средств анализа. Истощенность ценностной сферы, за символы которой идет жестокая конкуренция в образованной среде, смысловая, нравственная и культурная бедность общества, доставшаяся от тоталитаризма, — вопрос чрезвычайно чувствительный как для общества в целом, так и для такого зависимого от этих вещей института, как наука, прежде всего — социальная наука.

3

Почему, собственно, в России нет запроса на теоретическую работу? Признание важности теоретической работы, значимости теории в социальных или социально-гуманитарных науках складывается, по меньшей мере, из трех источников. Во-первых, теория (генерализующая концепция) дает объяснение целого ряда темных мест в социальной жизни, то есть оказывается не просто средством описания действительности, а принципом ее понимания, объяснения того, что происходит в обществе, в истории, в самом человеке. Это важнейшая функция социального знания, предназначенного для общества, для публичной рефлексии. Социология — это, прежде всего, герменевтическая проблема, *проблема смысловой интерпретации реальности*, включающая и осмысление положения человека в мире (или «наделения» реальности смыслом). Социальные науки нужны обществу для самопонимания.

Подобные широкие схемы интерпретации множества явлений действительности становятся фазами самоконституции общества, если говорить о социальных науках, или фазами самоконституции дисциплин, дающих предметные конструкции целых областей знания, «предметных регионов». Их появление представляет собой концентрированный ответ на ценностные коллизии, существующие в обществе. Познавательный интерес, требующий появления подобных теорий большого класса, мотивирован, как говорил Вебер, «бегущим светом великих культурных проблем». Таковы теории рационализации, современности, модернизации, теории личности и им подобные социетальные или антропологические конструкции, включая идеи культуры, истории и проч.

В зависимости от степени генерализации объяснения теория может играть роль «черного ящика», когда в ее структуре свернуты множество факторов и схем взаимосвязей, процессов, или нормативной смысловой конструкции «социального действия» (института, группы и проч.). Специфика «социологии как науки о действительности» вытекает из ее методологической установки. Социология — это наука, предмет которой составляют структуры социального взаимодействия, предполагающие, следовательно, акты понимания деятелями друг друга. Именно сфера понимаемого является границей социального, а механизмы понимания (ресурсы «культуры») — тем минимумом дисциплинарной «онтологии», базовых конвенциональных

конструкций дисциплинарной реальности, без которых не может обходиться ни одна наука. Другими словами, социология — это наука, в которой процесс теоретизирования исходит (логически первично) из актов субъективного смыслового полагания. Такая посылка устанавливает принцип элиминации всего, что находится за рамками понимаемого, — никакой метафизики, никакой априорной реальности. Но отделение значимого от незначимого и важного в каких-то отношениях, интересного для исследователя материала обеспечивается исключительно личностным познавательным интересом ученого, его субъективным отношением к происходящему. Способность «быть заинтересованным», таким образом, сама по себе — уже характеристика весьма развитой субъективности, возникающей только в условиях интенсивной социальной и культурной дифференциации. В познавательном ценностном интересе трансформированы внутренние личностные коллизии и заботы, моральные, групповые, идеологические, экзистенциальные проблемы. Это вовсе не «естественная» или спонтанно возникающая характеристика личности или общества, каких-то его групп. Готовность «загораться» чем-то, что не связано с непосредственным удовлетворением желания, — продукт длительного культивирования и самовоспитания, самодисциплинирования, требующего сложной системы институциональных и групповых санкций (в том числе — длительной религиозной, гражданской, политической, экономической и прочей социализации).

Способность со страстью относиться к действительности, а соответственно, наделять происходящее смыслом и значением, то есть видеть в науке способ обращения с реальностью, — вещь столь же индивидуальная (и редкая у нас), как и способность к любви, но именно поэтому она так высоко ценится в европейском обществе и культуре. Новые точки зрения на реальность, новый интерес к ней, потребность в новых объяснениях и понимании материала могут появляться только как ответ на собственные жизненные, личностные или экзистенциальные, проблемы исследователя. Такого рода значения образуют ценностные основания дисциплины, подчеркиваю, не аксиоматические, а именно ценностные, соединяющие культурные проблемы и познавательные средства и инструменты, то есть то, что составляет внутренний этос автономной науки. Поэтому мотивация познания непосредственно связана с принципами институциональной организации науки. Только там, где есть или где гарантирована автономия науки, независимость ее от внешних регуляций, где выражен субъективный интерес исследователя, возникает внутренняя потребность в понимании и готовность к постижению реальности, выливающаяся в разработку генерализованных средств ее объяснения. Эпигон же — это всегда имитатор чужой страсти. Это первая плоскость вопросов о том, как возникает спрос на теоретическое знание.

Второе условие рождения спроса на теоретико-методологический анализ или причина появления новых теорий — столкновение парадигм (теорий и подходов), предложенных или разработанных в рамках различных подходов и школ. Подобные коллизии заставляют пересматривать методы и базовые посыпки общепринятых систем объяснения, конструкций фактов и принципов оценки их достоверности, надежности, валидности, корректности интерпретаций, требуют анализировать генезис тех или иных теоретико-методологических процедур, характер установления связности, причинности и тому подобных функциональных отношений объяснения. Не обязательно это должно сопровождаться научными революциями в духе Т. Куна, И. Лакатоса и т. п. Это может быть рутинная методическая работа по самоконтролю процедур получения данных, рефлексия относительно методологических принципов их оценки, адекватности применяемых мер, подходов и способов объяснения. Нахождение новых принципов объяснения, снимающих одномерности прежних теоретических конструкций, оказывается в таких ситуациях нормальным решением постоянно возникающих в научной практике вопросов интерпретации, а сам разбор понятийных конструкций, их генезиса или границ генерализации — реакцией на социальные ожидания различных участников научного процесса¹⁰.

И наконец, третья плоскость рассмотрения, или третий тип причин обращения к теории, возникающий из второго, — это само устройство науки как института, в рамках которого постоянно работает репродуктивная подсистема, включающая механизмы «памяти» института и социализации новых членов сообщества. А стало быть, идет непрерывная селекция и отбор значимого и проверенного знания, признанного в качестве бесспорных научных результатов, в качестве «образца» для «исторической упаковки» и примеров для преподавания, для профессионального обучения следующего поколения. По отношению к преподаванию здесь работают механизмы формализации знания, подчиняющиеся принципам объяснения функционирования института. По отношению к «истории» теоретическая и методологическая рефлексия направлена иначе: она ориентируется на выявление скрытых посылок и условий познавательных процедур, латентного знания, общекультурных импликаций в корпус специализированных знаний, перенос социальных ожиданий и требований в научные процедуры и прочее.

¹⁰ В принципе здесь возможно два направления теоретической работы: первое — разработка единого дисциплинарного языка описания и объяснения, «общая теория» (какой ее видели, например, Т. Парсонс или Н. Луман), а второе, прямо противоположное, направление работы — методологический и генетический анализ практики эмпирической работы, изучение того, как в ходе черновой эмпирической работы используются языки разных теорий, разных концепций, часто принадлежащих разным предметным регионам, разных пластов научной культуры.

Суммируя, я бы сказал, что смысл и назначение теоретического знания заключается в следующем. Общая теория служит не для описания реальности, а для систематизации и упорядочения способов корректного (то есть принятого и одобряемого в академической среде) соединения концептуальных систем (разных «теоретических языков»). Ее назначение — дать возможность исследовательскому сообществу контролировать, то есть проверять, сами способы, которыми соединяются в единое синтетическое целое — объясненную «реальность» — различные его элементы, теоретические понятия, имеющие *разное* происхождение, *разный в методологическом плане генезис*. Это нужно прежде всего для того, чтобы а) избежать «диалектических мнимостей», когда объясняемое и объясняющее содержат одни и те же компоненты, описывается лишь то, что объясняется средствами описания; б) определить эффективность концептуального синтеза (устойчивость процедур, генерализационный потенциал).

Соответственно, критика результативности объяснения начинается с проверки условий введения понятийных элементов базовой концепции, используемой для описания (отбора таксономических единиц) или объяснения (установления причинно-следственных или функциональных связей и их конструкций). Поскольку и отбор материала, и способ интерпретации не заданы *онтологически*, то есть какой-то априорной картинкой реальности¹¹, а мотивированы специфическим ценностным интересом исследователя, его субъективным выбором соответствующих предметных теорий и концепций, то одной из важнейших задач теоретической работы всегда оказывается выявление функциональной роли ценностей исследователя и истории формирования понятий — инструментов описания и объяснения. Речь при этом идет о необходимости различения практических оценок и конститутивной роли ценностей, познавательного, ценностного интереса ученого, отделяющего важное от неважного, незначимого. Иными словами, смысл теоретической — постоянной, черновой — работы заключается в контроле над условиями введения предметной теории и правилами ее использования для *определенных* исследователем задач аналитической работы. В самой теории не содержатся правила ее построения (= ее генезис), а лишь правила (нормы, социальные конвенции) ее использования в качестве либо препарированного и методически контролируемого описания, либо, опять же, методически строгого объяснения (параметров генерализации или установления функциональных связей между элементами рассматриваемых конструкций).

¹¹ В социологическом отношении это означает — обеспечены интеллектуальными или социальными догмами, предрассудками, жесткими групповыми конвенциями держателей нормы реальности.

Практическое же назначение теории состоит в опускании промежуточных фаз или цепочек рассуждения, исследования, обусловленном задачами методологической проверки корректности рассуждения. Это то свойство, которое называется «красотой», или «экономностью» теории или концепции.

4

Как бы значительны ни были изменения за 20 лет, прошедшие с распада СССР, институциональная организация академической (в том числе — университетской) науки в нашей стране изменилась несущественно. Расширился диапазон организационных форм исследовательской деятельности, но мейнстрим социальных наук по-прежнему представлен рутинной продукцией академических институтов и ведущих университетов. Главное, что они по-прежнему не обладают институциональной автономией, и такое положение в обозримом будущем вряд ли изменится. Академические институты и университеты подчинены государству, финансируются из бюджета, планы их работы контролируются соответствующими инстанциями, задающими направление и цели научной работы. Как и в советское время, доминирующая мотивация исследований здесь обусловлена интересами тех, кто представляет власть, основное назначение науки — это обслуживание сегодняшних интересов властей. Поэтому все планы научной работы, общая направленность и характер преподавания ориентированы на тех, кто стоит у власти или представляет ее интересы, на их сформулированные или предполагаемые запросы. Адаптация постановки проблем, приспособление исследовательской работы к видению действительности лицами, располагающими властью, деньгами, административными ресурсами, оказывается более важным фактором, нежели концептуальные ресурсы самой дисциплины. «Этос» государственной сервильности в постсоветской российской социологии определяет институциональные каноны исследовательской работы. Организационные формы научной деятельности в этом плане могут несколько отличаться друг от друга, равно как и сами формулировки задач, но функция, суть их остается примерно той же самой: обеспечение эффективности государственного управления. Такая «социология» включена в состав информационного обеспечения бюрократии и политтехнологической машины обработки общественного мнения, ее задачи ограничены технологией сбора социальной информации, а использование последней и толкование полученных результатов отдано начальству или тем, кто ему исправно служит. Примечательно, что именно такая форма и проектировалась в середине 1960-х годов советским начальством: допустимы только методика и техника социальных исследований, а интерпретация (= общая социология) должна оставаться за истматом, то есть партийно-идеологическими инстанциями. Но, опять-таки добавлю, этому же

преимущественно учат и в лучших российских университетах, а именно: технике обработки и статистического анализа данных¹².

Производство знания, как и в советское время, ориентировано на практические интересы номенклатурного руководства, которое выступает и главным оценщиком достоверности знания, его фальсификации, верификации, оправдания и т. п. Собственные научные критерии исследовательской деятельности здесь не работают или выражены очень слабо. Внутренние проблемы науки также не важны; имеют значение только внешние, экстранаучные, экстраинституциональные критерии знания и его производства. Поэтому и сегодня для основной части занятых в социологии, то есть внутри самого института науки, приоритетны главным образом вертикальные связи, включая и вертикальный характер финансирования, сертификации кадров и их подбора, структуры авторитетов, тематики исследований и механизмов академического признания. А это означает, что отсутствуют или малозначимы механизмы внутрикорпоративной организации, внутрикорпоративные оценки деятельности работы ученых, оценки их достижений, соответственно, оценки применяемых инструментов, процедуры проверки адекватности полученных результатов и всего прочего.

В результате — нет научных дискуссий, обсуждения полученных результатов, нет публичного рецензирования, полемики, нет той принципиальной избыточности информации, которая так необходима для функционирования «нормальной науки». И такое положение оказывается вполне объяснимым и закономерным. Они не нужны, поскольку не возникает проблемы конфликта интерпретаций¹³, обусловленных разными познавательными интересами и средствами объяснения. Раз действует практика вертикального согласования полученных результатов (или ориентация на нее), то внутренних импульсов к дискуссии по поводу расходящихся трактовок в такой ситуации практически и не может возникнуть. Проблема интерпретации получает исключительно нормативный характер, поскольку ее направленность и сами стандарты контролируются интересами власти и управления¹⁴.

¹² Разумеется, эти задачи могут быть дополнены преподаванием разного рода курсов, обеспечивающих студента ресурсами профессиональной квалификации: знанием маркетинговых технологий, пиара, теорий организаций и менеджмента и прочего — всего, что сегодня требуют управляемый рынок и суверенная демократия.

¹³ Как говорил один из политтехнологов, приписанных к президентской администрации, «нам не нужны ваши интерпретации, нам нужны данные, а интерпретировать мы сами будем».

¹⁴ Лучшим примером здесь являются разногласия по поводу наличия и размеров «среднего класса» в России. Никем не осознается, что когда в отечественные практику, преподавание, исследования переносятся западные материал, подходы, идеи, то этот материал вырывается из

Но по тем же причинам и преподаваемая история социальных дисциплин оказывается никак не связанной с историей исследований¹⁵. Это два разных и не пересекающихся друг с другом потока текстов. В итоге мы имеем дело с сохраняющимся «изоморфизмом» воспроизводства академической серости (бедности научных интерпретаций) и беспринципности научного сообщества, авторитарным режимом и стерильностью академической социологии.

Разумеется, можно найти исключения из этого общего правила, но они будут иметь индивидуальный, а не институциональный характер: импульсы, которые толкают некоторых исследователей заниматься теоретическими вещами, все-таки существуют, однако положение этих исследователей всегда будет положением маргиналов, вытесненных на периферию общественного внимания и интереса коллег. Или, другими словами, ценности знания и когнитивные конвенции постсоветского российского академического сообщества *периферийны* для научных организаций этого типа.

Впрочем, такое положение вещей мало кого волнует, поскольку, как я уже говорил, проблема верификации или фальсификации результатов исследования, значимости получаемых объяснений не так важна в существующих институциональных контекстах, как демонстрация знаков «научности», в качестве которых и используются западные имена, термины или подходы. Функция такого использования — преимущественно демонстративная, идентификационная. Западная социология рассматривается не как «библиотека» исследовательского опыта, а либо как арсенал готовых отмычек для решения стандартных — по умолчанию — проблем социальной реальности, либо как кормовые участки для тех, кто занимается «теорией социологии» или

контекста их возникновения и разработки. Походы или концепции привносятся сюда как нечто совершенно готовое, чужое, абстрактно-отвлеченное, или, напротив, использование западных понятий и терминов тянет за собой латентный и плохо учитываемый пласт оценочных значений. Тем самым при работе с ними, при отождествлении понятий и реальности в наших обстоятельствах возникает эффект ложного опознания, последствиями которого становится неадекватное применение понятия.

¹⁵ Этим объясняется, в частности, и принципиальный для отечественной организации науки разрыв между практикой преподавания и исследовательской работой. Разработка теорий связана преимущественно с историческим характером преподнесения материала западных концепций в учебных курсах (в европейских или американских университетах эти сферы более или менее соединены в одно целое). Поэтому даже вполне адекватные и серьезные аналитические работы по изложению концепций того или иного западного автора представляют собой не более чем пересказ его идей, данных вне учета проблемной ситуации, в которой они возникли.

«историей социологии». Ссылки на западных ученых в большинстве статей отечественных авторов — это не нормальная процедура отсылки к уже апробированной кем-то методике или высказанной гипотезе, к уже проделанной работе, а значок собственной «квалифицированности», символ доступа к ограниченным для многих ресурсам, поскольку цитируются не рабочие тексты, а указываются авторитеты, которые должны подтвердить или сертифицировать «профессиональное» качество соответствующего автора. Повышенная семиотическая значимость этого цитирования, не имеющая отношения к проверке гипотез или полученным достоверным результатам, указывает на церемониальный характер научной деятельности, что ставит под сомнение сам ее смысл.

Главная проблема российской социальной науки заключается в бедности ее ценностных оснований, которая задается институциональными формами ее организации, соответственно, систематическим подбором людей или их принуждением и «обкатыванием». В поле внимания российских социологов оказываются главным образом те аспекты человеческого существования, которые релевантны в каких-то отношениях для задач управления, интересов государственных структур. Самостоятельного интереса к различным сторонам человеческой жизни, особенно тем, которые представляют собой сложные формы поддержания самоидентичности или интимных отношений с окружающим миром, у российских социологов нет. Отсюда вытекает и вульгарность или примитивность социологических представлений о российском обществе, порожденных органической зависимостью социальных наук от власти и глубинными ориентациями на нее, а не на общество. Именно эта ограниченность, стерильность ценностных представлений и бросается в глаза при сравнительном рассмотрении характера познавательного интереса, а значит, и научной этики социальных наук европейских стран или Америки, считающихся (явно по недоразумению) образцами для российских исследователей. Имитация чужих, но авторитетных приемов и идей, то есть склонность к эпигонскому заимствованию знаков «признанного», оказывается компенсацией за неспособность понимания своей реальности. Демонстрация чужих флажков позволяет закрыть глаза на историю страны, ее нынешнее состояние, мораль, массовую культуру, интеллектуальные и человеческие особенности ее «элиты». Или, может быть, точнее: действующая интеллектуальная (научная) организация «производителей идей» в нашем «обществе-государстве» предполагает — в качестве условия функционирования и консолидации научного сообщества — слепоту и неспособность к пониманию своего национального и исторического прошлого, своеобразия своего культурного пространства, позволяя тем самым ее членам быть свободным от чувства ответственности за него.

Настроения среднего поколения российских социологов, выступающих с идеями постмодернистской ревизии социологии, интересны не собственно своим теоретическим радикализмом или новационностью, а своей симптоматичностью, «избирательным родством» с массовыми представлениями, образующими базу коллективной идентичности. Теоретической оригинальности в предлагаемых сегодня социологами подходах или концепциях в действительности как раз и нет (иначе сама демонстрация заимствований была бы не так важна). Не будучи способным справиться с напряжением, вызванным трансформацией тоталитарного социума, необходимостью собственных усилий и веры, российское общество реагирует на текущие процессы вялым раздражением и цинизмом, характерным для людей, которых долгое время донимали моральными прописями: «оставьте нас в покое». Оно предпочитает дисквалифицировать сами источники внутреннего морального или ценностного «инога», чем сделать такие же шаги, какие предприняли общества других стран. (Я, например, не могу представить себе в России появление книги, подобной давней работе А. и М. Митчерлих [6]¹⁶.) Такова реакция астенического поколения, приходящего вслед за поколением «хронической мобилизации», поколения детей советских «идеологических погромщиков» и их жертв. Собственное бессилие оборачивается стойким негативизмом к любому акту сознательного и ценностно выраженного отношения к реальности, в первую очередь — к необходимости аналитического понимания источников насилия и принуждения, будь то в прошлом или в настоящем страны.

Таким образом, дело не в смене поколений¹⁷ и не в акциях или манифестациях постмодернистов, а в проблеме ценностей исследователя в нашей науке, в механизмах самостерилизации ученых или исследователей. Здесь мы сталкиваемся с теми же явлениями или процессами, что уже зафиксированы нами в других сферах общественной жизни, а именно: устойчивые механизмы примитивизации социальных отношений, ценностной девальвации. Это не раз описанные в работах Левада-Центра стратегии пассивной адаптации населения, снижения уровня запросов, «понижающий трансформатор» человеческих отношений, массовый цинизм и показная религиозность, ригоризм и репрессивность в моральных оценках. Именно эти проявления, казалось бы, должны стать предметом теоретической работы социологов, явно оказавшихся перед необычными проявлениями человеческой природы — массовой жестокостью и нечувствительностью

¹⁶ 1-е издание появилось в 1967 г. К настоящему времени книга переиздавалась в Германии более 25 раз.

¹⁷ В строгом смысле слова смена поколений не меняет институциональную структуру отечественной науки.

к государственно организованному и диффузному насилию, культурной инволюции, демодернизации. Но пока нет никаких признаков подобного движения к «реальности».

Возможности развития у российской социологии есть, но связаны они с перспективами ее кооперации с другими гуманитарными дисциплинами, возможностями взаимообмена методами (концепциями) и материалом. Для меня признаками изменения ситуации в социологии было бы именно обращение социологов к материалу символических форм, оказывающихся предметом рационализации гуманитарных наук. Бедность своих антропологических конструкций российская социология могла бы компенсировать вторичным анализом того, что репрезентируют история, современные искусство и литература, кино. Эти сферы оказываются гораздо более чувствительными к изменениям смысловых структур, моральных взаимоотношений в обществе, меняющих системы социальных связей. Однако работать с этим материалом сегодня невозможно, поскольку принятые в отечественной социологии понятийные средства не позволяют это делать¹⁸.

Для собственно же социологической работы все равно приходится подобный материал переинтерпретировать, то есть в литературных формах увидеть нормы или проекции социальных взаимодействий и образований, социальных морфем, выступающих якобы как чисто эстетические конструкции. То же самое требуется проделать и по отношению к истории или экономике. Здесь проблемы сложной мотивации экономического взаимодействия, доверия, солидарности, механизмы депривации, институционализации правил согласования смысла действия, контроля, гратификации, веры и прочее самым решительным образом требуют социологической интерпретации в категориях сложных форм социального действия. Нынешние подходы, скажем, в духе «рационального выбора» или тому подобных моделей, страдают от принудительного экономизма, инструментализирующего то, что по существу не является целевым действием.

¹⁸ Видимо, отсюда же проистекает популярность научных суррогатов или интерес к промежуточным или внедисциплинарным формам интерпретации, к эссеистике в духе Ж. Батая, Ж. Делеза и других французских постмодернистских интеллектуалов. Их многословие, нестрогость, неопределенность мысли, живописность, частые двусмысленности, вызывающие вполне оправданные нарекания и раздражение позитивистски настроенных ученых, не отменяет функциональной значимости их работы. Они внимательны к внутренним движениям человеческого сознания, они тоньше чувствуют смысловую и социальную диалектику негативных сторон модернизации или становящегося современным обществом. Они пытаются нащупать то, что не поддается терминологическому закреплению, то, для чего в общепринятых концепциях понятийных средств нет описания и объяснения, а именно текстуру сложных смысловых отношений и конструкций.

Российская социология в силу разных причин не видит сложные феномены, сложные формы социального поведения, метафорические по характеру синтеза символических и нормативно-ценностных регулятивов, соединения гетерогенных социальных и институциональных структур и культурных пластов, поскольку они не укладываются в ее сегодняшний расхожий и крайне бедный аппарат. Нет понятий и инструментов для выражения сложных форм поведения. Социальные науки сегодня работают либо с крайне упрощенными формами действия (целерациональными или ценностно-рациональными), либо с эвристическими и мутными, не «чистыми», формами действия и взаимодействия, что создает иллюзию значительности или условия для шарлатанства.

Поэтому, если говорить всерьез о перспективах теории социологии, есть несколько крупных задач, оказывающихся особенно важными именно для российской социологии, поскольку социальная гетерогенность здесь на порядок выше, чем в стабилизированных европейских обществах или в США.

1. Разработка теории смыслопорождающего действия (производства таких действий, в которых смысл, полагаемый действующим, является не только схемой его последующего понимания, но и правилами предполагаемого взаимодействия с партнером). Она может быть реализована как типологическое описание многообразия механизмов смыслогенерации, сложных структур социального действия, синтезирующего более простые регулятивные структуры (понимания того, как это делает сам индивид в форме субъективной инновации или другого действия, соединяющего образцы социальных действий, данных разными институтами или разными пластами культуры). Если эта проблема будет решена как социологическая, то есть будут найдены средства социологического анализа сложных культурных форм в современном обществе (а это значит — наиболее рафинированных и интимных сфер человеческого существования), то мы получим возможность для анализа уже высокодифференцированных институциональных и неинституциональных структур и форм взаимодействия, их объяснения и развития.

2. Теория сложных (синтетических) форм социального взаимодействия, смыслопорождающих механизмов по существу своему представляет решение *проблемы рациональности и ее типов, культурных обоснований синтеза идей и интересов*. Рациональность не сводится к вопросам нормативности какой-то одной схемы рационального действия, а представляет собой условия или возможности синтеза идей и интересов, соответственно, механизмов или структур соединения гетерогенности исторической и социальной, социальной и культурной регуляции и ее воспроизводства. Задача заключается в

том, чтобы прояснить сами обстоятельства, в которых происходит этот синтез слоев и типов записей культурных значений, интересов и идей, социальных (групповых, институциональных) норм (прагматики) и символического репертуара.

3. Взаимодействие социологии и других дисциплин гуманитарного круга, в первую очередь — истории. Последняя дает иную плоскость для последующей социологической работы — генетический аспект социальных явлений и процессов, происхождение нынешних форм социального взаимодействия, без учета и понимания которых невозможны понимание и теоретическое объяснение причинности или ее функциональных эквивалентов в системах интерпретации. Сегодня в общую кучу под именем «культурология» сваливаются проблемы, требующие усилий целого ряда наук: здесь и история идей или понятий, концепции визуальности, экспрессивности, теория символического, священного и мирского и проч., а также те вопросы, которыми занята практическая философия, — концепции очевидности, систематического истолкования/рационализации ценностей, зла, теодицеи, смерти и проч.

4. Перспектива развития самой социологии открывается лишь с возможностями использования ресурсов и достижений смежных дисциплин. А для этого необходим не просто *аппарат перевода аналитических и концептуальных языков этих наук на языки социологии*, а выработка соответствующих аналогов работы *внутри самой социологии* (аналогичную работу пытался проделать Т. Парсонс, а еще ранее — М. Вебер; в меньшем объеме соответствующие усилия предпринимали и другие основатели социологии, и не потому, что им хотелось разработать генеральную теорию социологии, а потому, что этого требовала сама практика эмпирической работы).

Такая работа предполагает расширение представлений о типах действия, природе символов, типах антропологии, формах консолидации и более сложных, в смысле более противоречивых, процессах, чем это имеет место сейчас.

Сегодня развитие социологии блокируется ее государственно-академическим статусом. Дело во внутренних механизмах саморегуляции исследователей, парализующих автономное развитие дисциплины, отражение в теоретических задачах тех проблем, которыми озабочено общество. Дефицит теоретических средств объяснения заставляет молодых ученых обращаться к ресурсам западной социологии, которая, в свою очередь, оказывается все больше и больше в ситуации отсутствия к ней общественного интереса, поскольку ресурсы этой социологии заканчиваются. Она постепенно превращается в академическую резервацию, зону интеллектуального застоя и консерватизма. Напротив, именно в России, как и в других странах догоняющего развития, там, где барьеры на пути модернизации ведут к появлению обходных, параллельных или возвратных процессов, а значит,

возникают совершенно новые социальные образования (шунты, заболачивание, тупики человеческого развития и т. п.), возможности для теоретической работы социолога предельно благоприятны и широки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудков Л.Д.* Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М.: Русина, 1994.
2. *Гудков Л.* О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // Пути России: проблемы социального познания. М.: Интерцентр, 2006. С. 26–38.
3. *Гудков Л.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2007. № 1 (77). С. 314–339.
4. *Гудков Л.* Неклассические задачи социологии: «культура» и мораль посттоталитарного общества // Пути России: культура — общество — человек. Материалы Международного симпозиума (25–26 января 2008 года). М.: Логос, 2008. С. 19–38.
5. *Кон И.С.* Настоящая общественная наука может существовать только в виде оазисов: Беседа с Игорем Коном о судьбах отечественной социологии и творческом пути ученого / Провела Л. Борусяк // Полит.ру. Аналитика. 20.01.2009 [online]. Дата обращения к документу: 05.04.2010. URL: <<http://www.polit.ru/analytics/2009/01/20/kon.html>>.
6. *Mitscherlich A., Mitcherlich M.* Die Unfähigkeit zu trauern. München: Piper Verlag, 1995.
7. *Schelting A.* v Max Webers Wissenschaftslehre. Das logische Problem der historischen Kulturerkenntnis: Die Grenze der Soziologie des Wissens. Tübingen, 1934.
8. *Schrader-Kleber K.* Der Begriff der Gesellschaft als regulative Idee: Zur transzendentalen Begründung der Soziologie bei Georg Simmel // Soziale Welt. Göttingen, 1968. Jg. 19. H. 2.
9. *Tenbruck F.H.* Das Werk Max Weber // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Opladen, 1975. Jg. 27. H. 4. S. 663–699.
10. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968.